РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 187

РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА
2007 ГОД
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Н.И. НОВИКОВА

РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ:

Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область

Москва
2006

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 187

Н.И. НОВИКОВА

РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ:

Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область

Москва
2006

ISBN 5-201-13758-x (48)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 187.

Редакционная группа:
В. А. Тишков (отв.ред.)
Н. А. Лопуленко
М. Ю. Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 187

Н.И. НОВИКОВА
РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ:
Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область

Работа выполнена в рамках проекта
«Коренные народы Севера и Сибири в условиях глобализации:
адаптационные стратегии и практики»
программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

Об авторе

Наталья Ивановна Новикова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, специализируется в области юридической антропологии.
Научные интересы связаны с изучением современного социально-экономического, культурного и правового (в контексте правого плюрализма) положения коренных малочисленных народов Севера. Проводила полевые исследования у хантов, манси, ненцев, нивхов, ульта, эскимосов.

About the Author

NATALYA NOVIKOVA – Ph. D. in History (defended her dissertation in the Moscow State University in 1986), a Leading Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology, the Russian Academy of Sciences, Legal Anthropologist.
She has carried out field research with Khanty, Mansy, Nenets, Nivkhi, Ulta, Eskimos. Her research interests include study current socioeconomic, cultural and legal situation of indigenous peoples of the Russian North in the context of there state legal status, customary law and practice.

Summary

NOVIKOVA N.I. LABOR MARKET AND EMPLOYMENT OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN RUSSIA: KHANTY-MANSIISK REGION AND SAKHALIN.

The paper discusses the situation with the employment of indigenous peoples of the North in Russia in general and three related case studies. The author looks at the connection between the development of self-government, the native economy focused on production of the goods and services for the market, and the standard of well-being. The legal and customary regulations of issues concerning the employment of aborigines are examined as well.

Представителям коренных народов Арктики нравится работать в разных отраслях современной экономики, получая стабильную зарплату, но одновременно с этим они продолжают использовать огромные площади земли и моря для охоты, рыбной ловли, оленеводства и собирательства.

«*Загрязнители POP'S. Призыв коренных народов Арктики к дальнейшим действиям*»

Анализ рынка труда и занятости коренных малочисленных народов Севера России на примере Ханты-Мансийского а. о. и Сахалинской области позволяет представить общие тенденции решения одной из важнейших проблем развития коренных народов Севера. Право на достойный уровень жизни, который подразумевает хорошую и высоко оплачиваемую работу, является одним из основных прав человека в современном мире. Конструктивным представляется взгляд на эту проблему с точки зрения соотношения ответственности государства и личности: «Необходимым условием решения проблем социально-демографического характера является свободное развитие и поддержание достоинства личности, эффективная реализация ее прав в социально-экономической, политической и культурной областях... у каждого индивида должно быть понимание ответственности в общечеловеческом смысле, подразумевающем личную ответственность за свое достойное существование и за воспитание и содержание своих детей»[1]. Общественные организации коренных народов выдвигают задачу повышения уровня их жизни, для чего необходимо качественное образование и более широкое вовлечение в рынок товаров и услуг. Важными рычагами улучшения ситуации являются развитие самоуправления и модернизация аборигенных хозяйств, ориентированных на переработку и продажу продукции. В статье рассматривается, как эти процессы и их институциализация позволяют обеспечить занятость представителей коренных малочисленных народов, а значит и дают им возможность иметь средства существования через получение заработной платы. В данном случае не рассматривается развитие и состояние семейных хозяйств, ведущих автономное натуральное хозяйство, хотя даже если аборигенные хозяйства пока не могут обеспечить сбыт своей продукции, они дают возможность семьям иметь необходимые продукты для пропитания и сырье для производства одежды и средств передвижения. В последнем случае они являются важным вспомогательным источником существования в современных условиях.

Безработица у коренных народов Севера

Уровень безработицы аборигенных народов установить достаточно трудно, они очень редко фиксируют ее официально. У многих из них нет желания и привычки обращаться по этому вопросу в официальные службы занятости. Кроме того, для аборигенов, живущих в деревнях и на стойбищах, каждый выезд в крупный поселок или город, где находятся такие службы, сопряжен с боль-

шими материальными затратами и потерей времени. Показательным является такой пример. В Поронайском центре занятости Сахалинской области в 2004 г. мне сказали, что к ним обращается лишь незначительная часть безработных аборигенов (на 1 июля 2004 г. – 14 чел.), молодые в основном трудоустраиваются через лицей или ассоциацию.

В основном Центр сначала направляет на обучение профессиям, не требующим высокой квалификации и не связанным с традиционным хозяйством (газосварщик, водитель, бухгалтер и т. п.). Люди с высшим образованием обычно вынуждены устраиваться сами, т. к. Центр не располагает сведениями о подходящих вакансиях. При этом, если человек длительно не работает, ему предлагают общественные работы. В случае отказа – на учет его не ставят.

В то же время, по данным исследователей[2] и моим собственным полевым наблюдениям, процент безработных среди аборигенов гораздо выше официального. Ситуация на рынке труда в Поронайском р-не вызывает особый интерес, поскольку большинство местных аборигенов проживает в городе.

Положение с официальной фиксацией данных по безработице среди аборигенов не так уж сильно отличается от ситуации с регистрацией занятости остального населения. Согласно статистике, в конце 2005 г. 5,6 млн. чел. или 7,6 % экономически активного населения классифицировались как безработные (в соответствии с методологией МОТ). В органах государственной службы занятости в качестве безработных было зарегистрировано 1,7 млн. чел.[3]

Высокий неформальный уровень безработицы приводит к тому, что пособие по безработице служит источником дохода только у 3,3 % хантов и 4,1 % манси. Вместе с тем, в литературе отмечается социальная неустроенность значительной части аборигенного населения Ханты-Мансийского округа – 45 % живет на иждивении и 20 % за счет различных пособий. Трудовая деятельность обеспечивает жизнь только трети населения. В этих условиях одним из способов адаптации коренных народов Севера к рыночной экономике является ведение подсобного хозяйства[4].

Во многих местах сохраняется положение, когда молодые люди оказываются неподготовленными к обучению в ВУЗах и даже поступив туда не могут стать дипломированными специалистами. Получив образование они подчас не могут устроиться на работу, как из-за отсутствия вакансий, так и невозможности получить квартиру в городе. Такая ситуация отмечалась исследователями в начале 1990-х гг.[5], в значительной степени она сохраняется и сейчас.

Регулирование вопросов занятости

Конституция Российской Федерации специально закрепила защиту «исконной среды обитания и традиционного уровня жизни» как компетенцию органов государственной власти (ст. 72)[6]. Государственная политика в области содействия занятости населения направлена на выравнивание возможностей для всех гра-ждан страны, на поощрение работо-дателей, создающих рабочие места для людей, «испытывающих трудности в поиске работы»[7]. Вопросы занятости регулируются специальным федеральным законом, который создает общие правовые предпосылки для учета традиций малочисленных народов Севера в такой важной для них сфере, как обеспечение занятости и защита от безработицы.

Этот закон, во-первых, закрепляет общее положение о том, что государственная политика в области содействия занятости населения направлена на «обеспечение занятости в местах про-живания коренных малочисленных народов РФ с учетом их национальных и культурных традиций, а также исторически сложившихся видов занятости (п. 11 ст. 5). Во-вторых, он устанавливает полномочия органов государственной власти субъектов РФ решать вопросы, связанные с разработкой и осуществлением государственной политики содействия за-нятости населения с учетом национальных, культурных традиций, а также исторически сложившихся ви-дов занятости (абз. 1 ч. 2 ст. 7)». Исследовавшая этот вопрос М.В. Пуч-кова подчеркивает, что учет обычаев и традиций имеет большое значение для решения проблемы защиты от безработицы[8].

В последние 10–15 лет предпринимаются определенные шаги для перехода от политики патернализма к политике партнерства, но они еще не стали достаточно эффективными. В большинстве северных регионов сохраняется потребность в государственной поддержке, для этого принимаются специальные программы по занятости коренных народов.

Показателем высокого уровня государственного регулирования развития коренных народов, особенно в некоторых субъектах федерации, является принятие специальных законов о традиционных видах деятельности. Так, в Ханты-Мансийском а. о. в 2001 г. был принят специальный закон «О традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе», по которому к ним отнесены оленеводство, коневодство, охота, рыболовство и собирательство. В округе осуществляется государственная поддержка людям и организаци-ям, которые занимаются этими видами деятельности. Специальная под-держка оказывается общинам корен-ных народов. Причем необходимо от-метить, что по окружному закону «Об общинах коренных малочисленных народах в Ханты-Мансийском автономном округе» одной из целей организации общин называется обеспечение занятости[9]. В округе в 2003 г. принят также специальный закон «О поддержке органами государственной власти Ханты-Мансийского а. о. организаций, осуществляющих традиционное хозяйствование и занимающихся промыслами коренных малочисленных народов Севера». К таким организациям отнесены общины и те юридические лица, в числе учредителей которых есть представитель коренных народов, занимающиеся традиционными промыслами, выручка от которых составляет не менее 70 % доходов и не менее половины рабочих мест занято лицами, из числа этих народов[10]. Подобные нормативные акты или программы принимаются и в некоторых других субъектах федерации.

30 января 2004 г. на Сахалине была принята Программа содействия занятости населения Сахалинской области на 2004–2006 гг. Одним из толчков к разработке подобных документов стал закон «Об альтернативной гражданской службе». В программе необходимо отметить раздел 20.4, по которому органы государственной власти должны «в целях социальной адаптации на современном рынке труда оказывать услуги по психологической поддержке аборигенов через «Клубы ищущих работу» и курсы «Новый старт безработных лиц из числа коренных малочисленных народов Севера с учетом их этнических особенностей»[11]. В особой поддержке обычно нуждаются аборигены, получившие образование и вынужденные

искать работу в городе, где у них зачастую нет ни родных, ни жилья, ни дружеского окружения.

Сохраняют свою актуальность законы и иные нормативные акты, принимаемые в субъектах федерации, регулирующие налоговые льготы и государственную поддержку для общин и предприятий коренных малочисленных народов Севера, а также приоритетные права на профессиональную подготовку, квоты рабочих мест и льготы работодателям, использующим труд коренных народов (Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа)[12].

Вместе с тем, можно отметить, что в реальности российское законодательство ограничивает возможности применения законодательства о коренных народах при решении ими вопросов социально-экономического развития. Это происходит не только из-за ограничения пользования ими природными ресурсами, в первую очередь, – речными и морскими, как это происходит в районах Дальнего Востока, но и концептуальным подходом современной правовой политики. Ведь коренными народами Севера считаются только люди, ведущие традиционный образ жизни, следовательно, если они хотят пользоваться правовыми преференциями, они ограничены в выборе сфер занятости.

Определенные проблемы возникают и в случае, когда аборигены живут в городе и теряют предоставляемые законодательством права на работу в традиционном природопользовании, о чем свидетельствуют бесконечно ведущиеся дискуссии о необходимости выделения городскому населению на Дальнем Востоке рыболовных квот.

Интересно отметить, что не только органы власти определяют политику обеспечения занятости. В Ханты-Мансийском а. о. мне приходилось не раз слышать от людей, работающих в нефтяной отрасли, что «*надо коренным жителям жить для города, чтобы поставлять продукты, сувениры. Коренные жители могут заниматься обеспечением нефтяников продуктами питания, мясом. Не нужно будет нанимать штатных егерей*»[13].

Возможно, частичное решение проблем обеспечения продуктами питания смогут решить создаваемые общины и Корпорация общин малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском округе, государственное предприятие, деятельность которого направлена на реализацию продукции традиционных промыслов, в первую очередь внутри округа[14]. Такая деятельность представляется экономически выгодной как для нефтяников, так и для аборигенов.

В.А. Крюков отмечает, что одной из основ перехода к партнерским отношениям является участие коренных народов в проектах освоения недр, включая предоставление услуг потребительского и/или производственного характера для нефтегазового сектора, что «будет способствовать снижению (при прочих равных условиях) общих затрат на реализацию проектов освоения недр. Таким образом, участие КМН в предоставлении услуг (в том числе по экологическому мониторингу и контролю) будет вести к росту общественного благосостояния (выгод)»[15].

Тем не менее, учитывая все предлагаемые органами власти, экспертами и учеными проекты содействия занятости и решения проблемы повышения уровня жизни коренных малочисленных народов, необходимо отметить еще один путь – развитие самоуправления и решение проблем жизнеобеспечения самими этими народами. Этот вариант рассматривается здесь на примере анализа ситуации в Поронайском р-не Сахалинской области.

Трудовые приоритеты в Ханты-Мансийском автономном округе

В современной России сферы занятости коренных народов Севера охватывают все отрасли хозяйства, включая традиционное природопользование. Занятость населения в традиционных отраслях хозяйства составляет в целом незначительный сектор, но является сферой наиболее устойчивой, комфортной для людей среднего и старшего возраста. Молодежь чаще видит свое будущее в квалифицированном труде в городах. Из традиционных отраслей хозяйствования для молодых людей привлекательными могут рассматриваться рыболовство, дающее хорошие доходы на Дальнем Востоке, или оленеводство для тех, преимущественно, юношей, которые выросли на стойбищах и часто имеют низкий уровень образования. Если обратиться к социологическим исследованиям, проводящимся в Ханты-Мансийском а. о., то картина представляется следующей: «Чуть меньше трети сельчан (28,9 %) и примерно каждый пятый городской житель (18,9 %) хотели бы заниматься традиционным трудом: оленеводством, рыболовством, охотой, сбором дикоросов. В действительности только 10,3 % хантов и манси, проживающих в сельской местности, заняты традиционным трудом. Разница желаемых и действительных установок респондентов на традиционные виды деятельности слишком значительна у аборигенов. В нефтегазовой, лесной и деревообрабатывающей отраслях среди сельских жителей ХМАО желают работать в 2,5–3 раза больше опрошенных, чем среди городских. Таким образом, доля лиц, занятых традиционным трудом, сократилась за последние 20–30 лет в сельской местности в 5–6 раз, в городской – в 20 раз»[16]. Этнографические методы исследования могут прояснить эту ситуацию. В округе значительно сократились возможности для занятий традиционным хозяйством в связи с интенсивным промышленным освоением и строительством городов, во-вторых, как ни странно это, на первый взгляд, звучит, для современных хантов, манси, ненцев занятия охотой, рыболовством, а тем более оленеводством, сегодня часто требует таких трудовых навыков, которых у них нет, и которые они не могли приобрести в школе.

Для некоторых молодых людей неразрешимой проблемой становится и получение «родовых угодий», необходимых для такой деятельности, тем более что в 2001 г. в округе завершился процесс их закрепления за коренными народами. К этому времени было выделено 477 территорий, на которых проживают 3610 чел. Общая площадь таких угодий составляет около 24 % от всей территории автономного округа. Наибольшее число выделенных территорий приходится на Нижневартовский (142) и Сургутский (107) р-ны. При этом необходимо учитывать, что 56 % площади родовых угодий уже сейчас изъяты для целей недропользования[17]. И этот процесс продолжается.

Вместе с тем, как отмечают даже сами нефтяники, которые в значительной степени определяют политику: «*Мы работаем на территории округа, где живет коренное население, которое занимается охотой, рыболовством и, как считается, не совсем приспособлено для технических профессий, но это не совсем так, потому что развитие инфраструктуры в округе шло однобоко, в основном работали приезжие специалисты, мало внимания уделялось подготовке специалистов из местного населения*»[18].

Сходные мысли звучат и в интервью аборигенов, в первую очередь думающих о судьбах своих народов: «*Реформы нужно предлагать руково-*

дствуясь историческим опытом, создавать общины. В первое время им понадобится помощь государства, потому что у нас вся интеллигенция – учителя и врачи в лучшем случае. А хозяйственников у нас своих нет. Причем это должны быть не только аборигены, а все люди, которые тут живут, а руководители должны хорошо разбираться и в экономике, и в психологии и аборигенов, и пришлых. Причем хозяйство должно быть комплексным. Только тогда люди смогут жить совместно с природой на Севере»[19].

По материалам переписи 2002 г. занятость экономически активного населения (выборочно) может быть представлена в следующей таблице[20].

Сферы занятости	*Ханты*	*Манси*	*Ненцы*
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство рыболовство, %	19,0	15,0	14,0
Образование, %	21,0	23,0	21,0
Добыча полезных ископаемых, %	1,6	1,7	2,0

Как видно из этих данных, наибольшее число аборигенов занято в сфере образования, а очень незначительный процент – в добыче полезных ископаемых. Причем, судя по полевым материалам, количество таких людей сокращается, т. к. они чаще всего подпадают под сокращения. В компании Сургутнефтегаз несколько лет продолжался довольно успешный эксперимент найма аборигенов на работу в качестве обходчиков трубы. В этом случае они следили за состоянием трубопровода, живя на родовых угодьях, но вскоре эта практика прекратилась. Вероятно, компания посчитала это лишними тратами. Можно выделить (выборочно) несколько квалификационных характеристик аборигенного населения, занятого в экономике в Ханты-Мансийском а. о.[21]

При этом квалифицированные рабочие включают в себя следующие категории: квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр.

	Манси	*Ханты*	*Ненцы*
Население, занятое в экономике	2017	3701	315
Руководители и специалисты высшего и среднего уровня, %	34,0	33,6	37,8
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства, рыбоводства, %	8,0	13,4	7,0
Квалифицированные рабочие, %	8,5	7,6	13,7
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, %	9,9	8,8	7,6
Неквалифицированные рабочие, %	20,2	19,8	20,6

В округе основными ресурсами являются нефть, газ, в меньшей степени – лес. Во всех этих отраслях работает преимущественно не аборигенное население. Среди хантов, манси, ненцев, как видно из данных переписи 2002 г., наиболее значительный процент составляют две группы, находящиеся на противоположных полюсах – руководители и специалисты высшего и среднего уровня, с одной стороны, и неквалифицированные рабочие – с другой.

Коренным народам часто достается лишь неформальная сфера занятости – в традиционном хозяйстве и культуре. Ситуация в округе интересна тем, что здесь в образовательной, культурной, социальной сфере работают часто люди, не имеющие высшего образования. Предпринимались попытки подготовить социальных работников с минимальными медицинскими навыками типа «босоногих врачей». Данный опыт был привезен из поездок в Северную Америку, но это начинание, к сожалению, не получило должного развития.

Определенную сферу занятости могли бы представлять стойбищные школы. Пока в округе стабильно работает одна такая школа – на стойбище Ю.К. Айваседы. Учителя в ней – всегда приезжие. Статус стойбищной она имела только три года и в этот период обслуживание школы осуществляли члены семьи. Но такая ситуация существовала формально, выплаты для школы со стороны администрации и нефтяных компаний (оплата труда учителя была включена в экономическое соглашение с ЛУКОЙЛом) поступают нерегулярно, хотя в последнее время компания и начала рассчитываться по долгам. В последние годы школа стала считаться формой семейного образования, и ставки обслуживающего персонала были сокращены. Создатели стойбищных школ видят свою задачу в обеспечении домашним образованием детей оленеводов. Такое образование сочетает в себе формальное, школьное образование и «жизнь с оленями», когда навыки традиционного природопользования приобретаются в повседневной жизни от старших членов семьи.

Необходимо отметить, что в округе большое внимание уделяется организации летних стойбищ, на которых дети коренных народов учатся языку, традиционным промыслам, а также приобретают навыки, необходимые для жизни в тайге. За летний сезон к работе на детских стойбищах (и так называемых этноцентрах) может быть привлечено 100–150 чел., но это временная, сезонная работа[22].

Отдельной сферой занятости коренных народов в последние годы стала образовательная и научная деятельность. Особый интерес представляет в этом смысле Западная Сибирь, где созданы и активно работают научные центры.

Портрет такого работника – женщина (преимущественно), хорошо знающая родной язык и работающая в сфере образования или занимающаяся «женскими» научными темами. Так как многие темы являются запретными для женщин, то и, получив образование, они не стремятся ими заниматься или используют «*неявный сбор запретной информации, которая пока только обдумывается*». Исследователь этого вопроса Н.В. Лукина пишет: «*Очень важно признание традиционным обществом ценности науки как вида деятельности своих сородичей, при этом идет ориентация на прошлое, настоящее и будущее. Носители традиционного мировоззрения приравнивают научную (письменную форму изложения их знаний) к высшим ценностям прошлого («только боги умели писать»). Вместе с тем высказывается надежда на решение практических задач современности («вы грамотные, вы думайте, мы будем помогать») и уверенность в возможности сохранения традиций для будущих поколений («если что-то забыто, но вошло в науку, то внуки-правнуки прочитают и смогут вернуться к этому»)... вызывает интерес такое новое явление, как предпочтение «своих» собирателей материала – «чужим», со следующей мотивацией: нашим это нужно для работы, за которую они получают зарплату*»[23].

Важную сферу занятости составляют фольклорные архивы, где работают представители коренных народов, хорошо знающие язык и культуру своей локальной группы и записывающие фольклорные, лингвистические данные от информантов, которые могут быть их родственниками или хорошо знакомыми соседями. По словам С.Д. Ерныховой, «*основная цель фольклорного архива – постоянный сбор, обработка, хранение этнической информации (особенно устного народного творчества) в пределах естественной единицы культуры, например, на территории говора или диалекта*». Фольклорные центры созданы у манси, северных и восточных хантов, ле-

сных ненцев. Проект такого учреждения был разработан венгерским финно-угроведом Е. Шмидт и томским этнографом Н.В. Лукиной в 1984 г.[24]. Впоследствии все эти архивы были объединены в Научный фольклорный архив коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского а. о. Локальные архивы стали местом работы для части аборигенов, не имеющих специального или высшего образования, но заинтересованных в сохранении и развитии фольклора.

Перспективной сферой обеспечения занятости аборигенов в ХМАО является туризм. В последнее время это направление активно развивается, создан сайт, на котором представлены туры, интернет-магазин сувенирной продукции[25]. Одним из инициаторов этого направления работы является О.А. Кравченко (руководитель отдела Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск). В письме, она мне сообщила: «*По поводу занятости в туризме: вряд ли кто скажет точную цифру. Официально в туризме по лицензии у нас из аборигенов никто не работает. Несколько коллективов работает по договорам с турфирмами. Это Нижневартовский "Спутник", который организует выезд на стойбища и экскурсии по музею. Там от силы задействовано 5–7 человек. Община "Вар" подписала договор с "Югра-сервис", это еще 3–4 человека. Мы задействуем человек 15–20, но тоже не на постоянной основе. Так что если тебя интересуют работающие на постоянной основе, то, боюсь, что таковых нет.*

А вот как подработка в сфере туризма на разные сроки, человек 50 наберется. Да, я еще забыла про людей, которые задействованы косвенно: это мастера, изделия которых идут на продажу туристам»[26].

При администрации Ханты-Мансийского а. о. существует Департамент по вопросам малочисленных народов Севера, директором которого является заместитель председателя правительства.

Деятельность Правительства ХМАО представлена на сайте администрации: «*В настоящее время в автономном округе осуществляют деятельность в области традиционного природопользования (охотничий промысел, рыболовство, сбор дикоросов и др.) – 29 национальных предприятия с различной формой собственности и 52 общины (формы самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера и объединяемых по кровно-родственному (семья, род) или территориально-соседскому признакам), из них 57 входят в Реестр предприятий, заготавливающих и принимающих продукцию охотпромысла, дикорастущих и лекарственно-технического сырья, утвержденный постановлением Правительства автономного округа от 29 июня 2004 г. № 294-п.*

Правительством округа предложена схема организации традиционных промыслов.

Моноотраслевые мероприятия:

- *развитие общественного оленеводства*
- *развитие частного оленеводства*
- *рыболовство*
- *звероводство и охота*
- *сбор и переработка дикоросов*
- *лесозаготовка и лесопереработка*

Мероприятия комплексного характера:

- *переработка первичной продукции традиционных отраслей*
- *доведение продукции до товарного вида*
- *реализация продукции традиционных промыслов.*

Реализация данной системы позволит создать законченную технологическую цепь от производства до реализации готовой продукции на рынке. Это обеспечит условия для формирования в перспективе многоуровневой системы.

Следующий уровень – перерабатывающие предприятия в нескольких вариантах: цеха у непосредственных производителей

первичной продукции и комплексные специализированные перерабатывающие предприятия в поселках и на базе факторий с сетью пунктов по закупке и хранению сырья и разветвленная торговая сеть по реализации продукции традиционных промыслов на внутреннем окружном, российском и мировом рынках.

Построенная таким образом система организации традиционных промыслов позволит, с одной стороны, сохранить самобытность этносов, и, с другой, – войти малочисленным народам Севера на равных в рыночную экономику и обеспечит устойчивость функционирования традиционного сектора хозяйствования в условиях рынка.

В соответствии с исполнением Закона Ханты-Мансийского автономного округа "О программе социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа на период с 2002 по 2006 гг." № 27-оз от 07.05.2002 г. в 2004 г. осуществлено субсидирование продукции общин и национальных предприятий.

Согласно представленным отчетам комитетов и отделов по делам коренных малочисленных народов Севера муниципальных образований на 01.01.2005 г. общинами и национальными предприятиями:

- *добыто рыбы-сырца – 1798,7 т; произведено рыбопродукции – 736,2 т;*
- *добыто мяса диких животных (олень, лось) – 22,34 т;*
- *заготовлено дикоросов: ягод – 116 т, грибов – 17,5 тонн, орехов – 29,8 т;*
- *добыто промысловой пушнины – 33 102 шкурки;*
- *выполнено работ по договорам на сумму 1 079,4 тыс. руб. (заготовка дров, прокладка зимних дорог и т.д.);*
- *изготовлено продукции декоративно-прикладного искусства, промыслов и ремесел на сумму – 4 696,5 тыс. руб.»*[27].

Во время моей работы в Кондинском р-не Ханты-Мансийского а. о. я записала интересное интервью, характеризующее трудовые предпочтения некоторых манси:

«Я работал в леспромхозе сначала, а потом в промыслово-охотничьем хозяйстве – заготовителем пушнины. А в последнее время уехал в лес, в деревню изредка приезжаю, а живу в лесу, занимаюсь рыбалкой. Раньше манси все так жили.

В леспромхозе можно было бы работать, но там мало платили, местным мало тогда платили, считалось, что если приезжим будут мало платить, они уедут, а местным можно, им некуда уезжать. Я ушел тогда в лесхоз, а потом в ПОХ.

Сейчас трудно заниматься традиционными промыслами, если заниматься рыбалкой, то рыбу продать очень трудно. Положение экономическое у всех ухудшилось. Когда рыбоучасток работал, то здесь можно было хорошо заработать.

Сейчас я тоже занимаюсь рыболовством, загораживаю маленькую речку. А на Конде в основном рыбалкой занимаются русские. Дети мои все уехали отсюда, закончили 10 классов и стали работать на промышленных предприятиях. Никто из них не занимается традиционными видами промысла. Но они никогда этим и не занимались, только младший сын со мной ездит. Я стал заниматься рыбалкой и уже не могу прекратить. ***Когда работаешь в леспромхозе, не знаешь, зачем лес рубишь, потому что очень много леса остается сваленным. Только речки этот лес засорял. А когда рыбачишь, понятно зачем. Добыл, и кому-то от этого польза»*.**

Деятельность общины кондинских манси «Карым»

Одной из наиболее успешных аборигенных организаций в округе является община «Карым». В нее объединились родственники – родные и двоюродные братья Вахрушевы с семьями. Они получили «родовые угодья» (по «Положению о статусе родовых угодий», принятому в округе в 1992 г.) и занимаются охотой, рыболовством, сбором дикоросов. В рам-

ках общины работает фактория, которая занимается реализацией не только своей продукции, но и добытой жителями ближайшего пос. Шугур. При поддержке Госкомсевера община построила небольшой завод по переработке мяса и рыбы. Первоначально община «Карым» создавалась как община-предприятие. Работает община на принципах самоуправления и демократии. Решения принимаются коллективно, между ее членами распределены обязанности, внутренние вопросы решают на основании обычного права. Община принимает на работу людей из деревни, причем учитывается их моральный облик. В общине действует сухой закон.

Первоначальные цели создания общины ее члены определяли как возможность выживания. Община смогла достичь более высокого, чем в поселке, уровня жизни и обеспечить рабочие места для небольшого числа жителей ближайшего пос. Шугур[28].

Ситуация в Сахалинской области

Ситуация с занятостью коренных малочисленных народов в Сахалинской области в целом аналогична Ханты-Мансийскому а. о., лишь процент занятых в добывающей промышленности здесь выше. Занятость коренных народов (нивхов и ульта) на Сахалине по переписи 2002 г. представлена в таблице[29].

Сферы занятости	*Нивхи*	*Ульта*
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, %	22	22
Образование, %	18	18
Добыча полезных ископаемых, %	7	4

Можно выделить (выборочно) несколько квалификационных характеристик аборигенного населения, занятого в экономике этой области[30].

При этом квалифицированные рабочие включают в себя следующие категории: квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий художественных промыслов, строительства и транспорта, связи, геологии и разведки недр.

	Нивхи	*Ульта*
Население, занятое в экономике	552,0	66,0
Руководители и специалисты высшего и среднего уровня, %	24,4	27,3
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства, рыбоводства, %	8,7	19,7
Квалифицированные рабочие, %	12,9	13,6
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, %	12,7	6,1
Неквалифицированные рабочие, %	23,4	22,7

Самоуправление в заливе Терпения

Показателем того, что процесс развития самоуправления стал реальностью, может служить ситуация, сложившаяся в Поронайском р-не Сахалинской области. Здесь было создано несколько родовых хозяйств и община «Тый». В 1992 г. они по согласованию с рыболовецким колхозом «Дружба» получили в свое пользование 26 км побережья. Первоначально эти земли были закреплены за Ассоциацией коренных малочисленных народов Поронайского р-на. Администрация предложила урегулировать вопросы землепользования, т. к. земля не может быть закреплена за общественной организацией. В то же время аборигены поступили так, чтобы в случае разорения их хозяйств, этот участок побережья не отошел к не коренному населению. В 2000 г. была создана артель, которая объединила все хозяйства и смогла создать необходимую базу для занятий рыболовством в современных условиях. Аборигены планировали также придать 26-километровой полосе побережья статус территории тради-

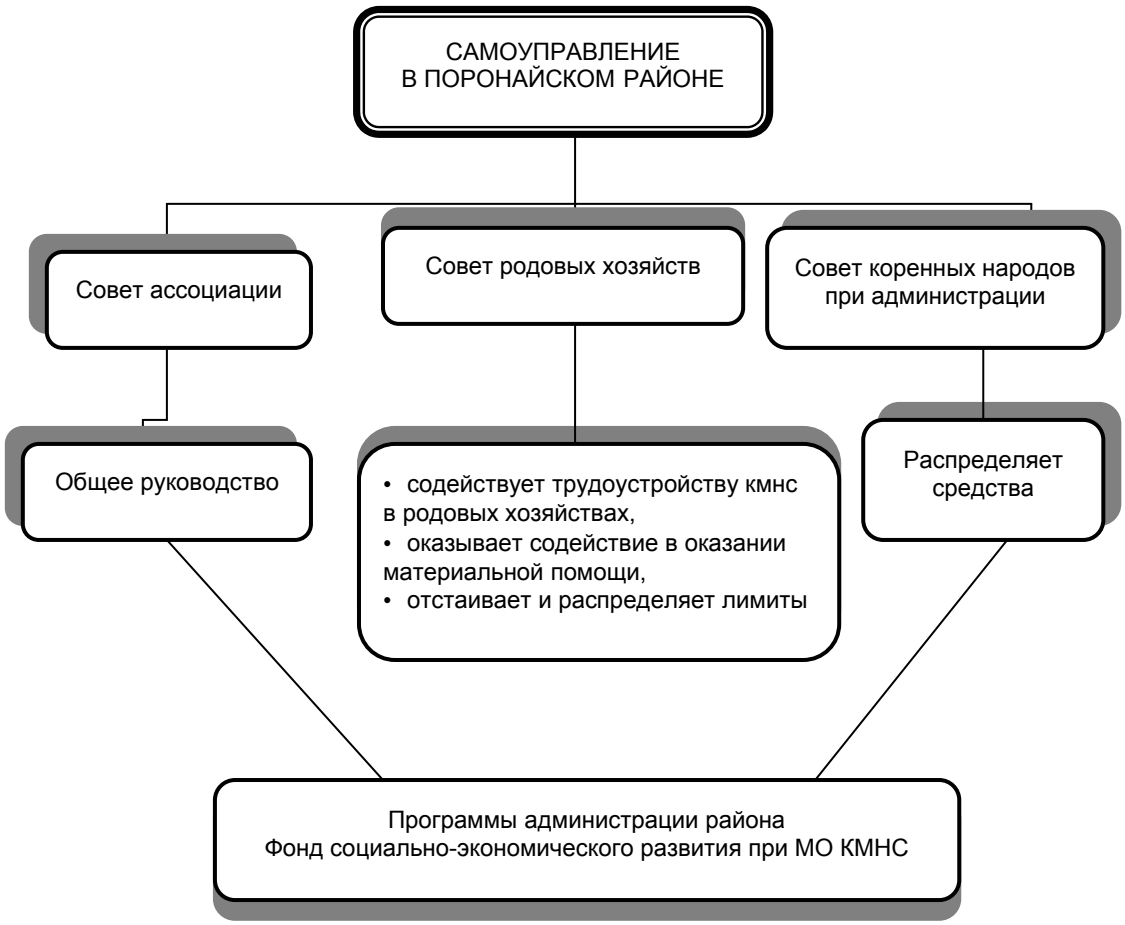
ционного природопользования, создать общину, в которую объединить всех желающих аборигенов, занимающихся на этом побережье промыслом, а затем попытаться передать общине некоторые (необходимые им) функции местного самоуправления. Для осуществления этих планов существовала и материальная база, и правовое обеспечение, не хватило ответственной деятельности организации коренных народов и доброй воли администрации, а, может быть, и желания аборигенов объединяться.

Необходимость создания общины во многих субъектах федерации в настоящее время диктуется, прежде всего, наступлением на их земли промышленных предприятий. Именно общины как органы самоорганизации могут участвовать в управлении ресурсами и заключать полноценные договора на их использование. Вместе с тем, для многих аборигенов негативный опыт коллективизации является непреодолимым препятствием к объединению. Аборигены, ведущие традиционный образ жизни, опасаются, что создание общин приведет к объединению с поселковыми жителями, часто лишенными возможности вести самостоятельное хозяйство и заинтересованными в получении компенсаций за промышленное освоение. В некоторых местах нет людей, имеющих достаточное образование и опыт, чтобы возглавить такие общины. Ведь даже для того, чтобы зарегистрировать общину и оформить все документы, в первую очередь устав, необходимы навыки, которые люди не могли получить ни в школе, ни на стойбище. Решение проблемы самоопределения для представителей народов, имеющих отличный от остального населения образ жизни и составляющих меньшинство в районах своего расселения, представляется очень сложным. В современных условиях сообщество коренных народов все больше перестает быть объединением людей, имеющим общие цели – традиционное природопользование, развитие языка и культуры и т.п. Хотя нельзя сказать, что эти идеи и стремление к объединению чужды для всех. Некоторые лидеры понимают необходимость участия в управлении ресурсами для поднятия жизненного уровня, создания условий для достойной жизни. Одним из немногих, насколько мне известно, примеров такой деятельности является Поронайский р-н Сахалинской области.

Здесь коренными народами, в первую очередь их общественными организациями совместно с администрацией создана система органов самоуправления. Рассмотрим формы самоуправления, действовавшие в июле–августе 2004 г., когда я проводила полевые исследования (см. диаграмму).

Постановлением мэра Поронайского р-на с 2001 г. был создан *Совет представителей коренных малочисленных народов Севера при администрации (9 чел.).* В его компетенции находятся вопросы, связанные с выполнением областных и местных программ развития коренных народов, а цели создания определяются как «наиболее полный учет интересов» этих народов. Практическая деятельность совета состоит в распределении выделяемых органами государственной власти и местного самоуправления средств.

Совет ассоциации (Местной ассоциации коренных малочисленных народов Севера Поронайского р-на) – это избранные на общем собрании 12 чел., между которыми распределены обязанности. Так как все аборигены являются членами ассоциации, то этот орган является номинально верховным. Он утверждает, например, положение о Совете родовых хозяйств. Фактически же все органы самоуправления являются скорее равнозначными. Роль ассоциации в наиболь-



шей степени проявляется во время путины, когда она оказывает содействие в оформлении документов на путину, организовывает постоянное дежурство для контроля на берегу. Ассоциация и органы власти, в первую очередь правоохранительные, стремятся ограничить доступ посторонних на побережье в период путины. Городские аборигены рыбачат в черте города, лицензионный лов для них там ограничен несколькими днями. Дежурные, конечно, не могут сами бороться с криминалом, но они могут вызвать рыбоохрану или милицию. Эта практика стала уже нормой на побережье, и мои вопросы о ее действенности вызывали даже недоумение.

Совет родовых хозяйств действует на основании Положения 2002 г., принятого на собрании Совета ассоциации. В него входят главы и председатели родовых хозяйств, общин и национальных предприятий. В Положении закреплены функции этого органа территориального самоуправления, в которые входит:

- *содействие трудоустройству коренных малочисленных народов Севера в родовых хозяйствах,*
- *оказание содействия в получении материальной помощи,*
- *отстаивание и распределение лимитов.*

Количество родовых хозяйств в районе колеблется, но не превышает 15–16. Родовые хозяйства имеют промысловый участок на побережье (2 км), право на который закреплено договором с Сахрыбводом. Аборигены получают право на безвозмездное и бессрочное пользование этим участком для ведения промыслового лова и добычи водных растений. Материальная база родовых хозяйств различна

и зависит от финансовых возможностей, деловых качеств, демографической ситуации и многих других, часто случайных причин. Большинство хозяйств имеют дома, машины, средства лова, а некоторые и небольшие цеха для переработки продукции. Родовые хозяйства обязаны представлять информацию о своей деятельности, уплате налогов в Совет родовых хозяйств и местную ассоциацию коренных народов. Между родовыми хозяйствами распределяются обязанности по участию в общих мероприятиях. Они также берут на себя обязательства по вылову рыбы для тех аборигенов, которые не могут сделать это сами (преимущественно пожилые люди, женщины, которые не входят в родовые хозяйства).

Членом хозяйства может быть абориген или человек, имеющий родственные «корни» с членами данного хозяйства. Высшим органом в хозяйстве является общее собрание. Существует родовой совет и главу хозяйства (председателя) выбирают на 5 лет. В реальности, насколько я могу судить по своим полевым наблюдениям, все вопросы решают один–два человека. Родовое хозяйства является самостоятельной и самоуправляющейся организацией, деятельность которой регламентируется нормами местного права. В случае возникновения конфликтов, пострадавшая сторона может апеллировать только к общему собранию. В хозяйствах работают менеджеры, которые могут быть как аборигенами, так и людьми любой другой национальности. Как првило, они или наемные работники или члены какой-либо семьи в общине. Структура родовых хозяйств достаточно аморфна и строится в бóльшей степени на личных, часто устных договоренностях.

Важнейшим инструментом осуществления властных полномочий со стороны Совета родовых хозяйств является распределение лимитов на вылов рыбы. Совет решает вопрос о сокращении или лишении лимитов на основании не предоставления отчетности, нарушения правил рыболовства три и более раз, не привлечения на работу аборигенов, не внесения взноса, не освоения выделенных ресурсов. Совет следит также за уплатой налогов. Интересно отметить, что в этих правилах отмечается презумпция обязательности нарушений правил рыболовства. Но здесь соблюдается мера – нарушения не должны быть злостными и их не должно быть слишком много.

Родовые хозяйства являются юридически оформленными предприятиями, но в повседневности они сроят свою деятельность на личных контактах и связях. Хозяйственные отношения опираются на широкие культурные основы, образуемые традициями и обычаями, нормами и ценностями, образующими специфическую для данного общества трудовую и деловую этику. Функционирование деловых сетей основано на том, что контрактные отношения подкрепляются достаточно развитой системой неформальных взаимных услуг, оказываемых, в том числе, не на чисто «рыночных» основаниях. Отношения между рыночными агентами складываются не просто между фирмами, но между представителями этих фирм. Деловые отношения, таким образом. Принимают личностную окраску, которая серьезно влияет на процесс принятия ключевых решений[31].

Публичной презентацией деятельности совета и в целом родовых хозяйств является ежегодный праздник – кормление воды. Эта акция является очень важной для укрепления престижа аборигенных организаций и средством развития толерантности в сфере межэтнических отношений в районе. Аборигены состав-

ляют лишь незначительную часть участников праздника. Они проводят обряды, устраивают соревнования по народным видам спорта, фестиваль этнической кухни и таким образом знакомят и свою молодежь, и все остальное население со своими традициями. На праздник приезжают гости из других районов Сахалина. Важным его моментом является вручение ценных подарков наиболее успешным хозяйствам. Необходимо особо отметить, что весь праздник финансируется Советом родовых хозяйств, представители администрации участвуют в нем только как гости. Активисты из числа аборигенов полностью берут на себя и организацию праздничного застолья, в котором участвуют все желающие.

Кроме праздника, Совет организует и финансирует помощь малоимущим, чествование юбиляров, организацию новогодних праздников и подарков детям, участвует в ремонте мостов. На территории района есть музей и лицей технологии традиционных промыслов народов Севера. Этим государственным учреждениям родовые хозяйства также оказывают спонсорскую помощь. Финансирование всех таких проектов осуществляется за счет Фонда социально-экономического развития при местной организации коренных малочисленных народов Севера. Он учрежден в 2003 г. и состоит из взносов родовых хозяйств. Положение о фонде принято на общем собрании, на собраниях же публично освещается и его деятельность. Средства от родовых хозяйств поступают через банк по мере реализации рыбы. Руководитель фонда в интервью сказала:

«*Родовые хозяйства вносят, сколько считают нужным, публично на собрании освещается, кто сколько внес. В этом году уже почти все внесли. Сейчас уже 8 предприятий внесли по 13 тысяч. Значит, они нам доверяют. Средства расходуются на помощь малоимущим, на праздники, на ремонт мостов, чествование юбиляров, новый год, помощь музею и лицею. Но мы всем помочь не можем, только совсем бедствующим или студентам*» [32].

Правовая природа аборигенного самоуправления

В традиционном мировоззрении аборигенов Сибири проблема самоуправления, как представляется по историческим свидетельствам и полевым материалам, в нашем понимании не существовала. Выбор пути развития был предопределен природными условиями и типом хозяйства. Различные народы (общины) или вступали в отношения обмена, или жили отдельно, автономно, не вмешиваясь в жизнь соседей. В течение длительного времени, когда эти народы осваивали Север, они выработали механизмы взаимоотношений с природой и людьми. Нормы их обычного права строились на договоренности между соседями, согласованности действий.

В первых (1991 г.) уставах родовых хозяйств нашли отражение некоторые элементы аборигенного правопонимания. В них употреблялись такие понятия, как *природопользование на основании обычаев*, *соблюдение «действующих и необходимых правил» и т. п.*. Собрание родового хозяйства «*утверждает негласные правила внутреннего распорядка, поведения и соблюдения норм нравственности и морали во взаимоотношениях между членами родового хозяйства и общества*». Впоследствии уставы стали более формальными, написанными скорее в рамках гражданского кодекса и других нормативных документов, принятых государственными органами, хотя в повседневной регламентации жизни общины используют некоторые традиционные нормы. Можно сказать, что в

Поронайском р-не сложилась система непосредственной демократии как одно из проявлений народовластия.

Непосредственная демократия рассматривается как принятие всеми гражданами или населением определенной административной единицы решения, обязательного для государственных органов. При этом в политическом самоуправлении наблюдается гибкое сочетание деятельности государственных и общественных организаций, форм представительной и непосредственной демократии. Следует подчеркнуть, что в связи с деформацией социальных институтов и отношений усиливаются внутренние противоречия, которые всегда имеются в нормативной системе. Из-за несовпадения нормативных требований с реальными условиями жизни конкретных индивидов, социальных групп быстро возникает «двойная мораль», при которой противоречивые нормы используются одним и тем же лицом (социальной группой) для разных целей и в разных (или противоположных) ситуациях.

Именно на этой основе и возникает т. н. «теневое нормотворчество», т. е. создание неофициальных правил поведения, которыми тем не менее руководствуются значительные группы населения[33]. Они могут быть двоякого свойства – нормы обычного права и нормы криминальных групп, которые в значительной степени контролируют рыболовный промысел.

Можно сказать, что аборигены Поронайского р-на стремятся строить свою деятельность на основании *местного права* как системы правовой ре-гламентации на местном уровне независимо от источника происхождения. В вопросах, касающихся аборигенного самоуправления, эта система представляет собой синтез обычного права и позитивного законодательства. При этом основным механизмом осуществления властных полномочий аборигенных органов является распределение квот. Именно этот «административный ресурс» цементирует всю систему. И пока эта практика будет восприниматься населением как справедливая, он сможет действовать.

При возникновении конфликтов, а они неминуемо возникают, Совет родовых хозяйств действует авторитарно. Однако постепенно складывается система разрешения жизненных ситуаций на правосудных началах. Очень верно подобные ситуации характеризует С.С. Алексеев: «В противовес распространенным представлениям об обычном праве как о примитивном, архаичном и исторически преходящем явлении, есть достаточные основания рассматривать обычное право в качестве рожденного самой жизнью *классического образца совместимости, казалось бы несовместимых качеств права*: его свойства жесткого организма (институционности) и особенностей живого права. Ведь нормы обычного права являются нормативной основой *правовых решений* жизненных ситуаций»[34].

Рассмотренная система самоуправления на локальном уровне оказалась достаточно успешной. В 2003 г. заработная плата в Поронайском р-не в рыбной промышленности составила 6500 руб., а по родовым хозяйствам – 6000 руб. Это средние показатели, но они демонстрируют эффективность управления, основанного на участии коренных народов в политическом процессе.

Конвенция МОТ 169 и другие международные документы

О важности обеспечения занятости коренных народов свидетельствует тот факт, что впервые к решению проблем коренных народов с помощью международных документов об-

ратилась Международная организация труда. Ее первые конвенции были направлены на защиту рабочих из числа коренных народов от эксплуатации, требуя равного отношения к аборигенным и не аборигенным работникам. Дальнейшая деятельность этой организации привела ее к принятию Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни (Конвенция 169 МОТ, принятая в 1989 г.), которая стала одним из важнейших международных документов по коренным народам. И даже в тех странах, которые ее не ратифицировали (как, например, Россия) она часто служит основой для анализа политики[35].

Конвенция 169 МОТ уделяет внимание вопросам занятости коренных народов указывая, что они часто работают вне формальной экономики, чаще становятся объектами эксплуатации. Ст. 20 Конвенции предполагает, что правительства предпринимают меры для недопущения дискриминации трудящихся из числа коренных народов – равный доступ к занятости, равное вознаграждение за равный труд, безопасность и социальное обеспечение, равные возможности для мужчин и женщин, а также «принимают специальные меры в отношении найма и условий занятости трудящихся, если они не получают эффективной защиты по законам, распространяющимся на всех трудящихся»[36].

В международных документах и обращениях коренных народов мира подчеркивается их стремление к работе как в современных промышленных отраслях хозяйства, так и в сфере традиционной экономики[37]. Задачей государств является максимальное обеспечение возможностей для их труда, равенства на рынке труда, которого сегодня еще не существует.

В современной России развитие коренных народов Севера, поднятие их жизненного уровня через обеспечение занятости и соуправление ресурсами представляет также скорее перспективную стратегию, чем решенную задачу. В субъектах федерации вырабатываются интересные сценарии развития ситуации. Прошло еще слишком мало времени с момента создания общин, аборигенных предприятий, мини-цехов, чтобы делать окончательные выводы о том, что выход найден. Вероятно, должен быть найден баланс между государственной поддержкой этого развития и самоуправлением коренных народов, их собственной творческой деятельностью.

В феврале 2006 г. в Ханты-Мансийском а. о. принят закон «О качестве жизни населения Ханты-Мансийского а. о. – Югры»[38], который гарантирует обеспечение «равных прав граждан в области качества жизни». Одним из инструментов его претворения в жизнь заявлен мониторинг, который может стать прекрасным источником анализа реальной государственной политики, в том числе и в вопросах занятости.

Примечания:

[1]Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 79–80.

[2] *Мисонова Л.И.* Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов). Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2003. № 162.

[3] Основные экономические и социальные показатели // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2006. № 1. С. 108.

[4] *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: современное положение. Опыт адаптации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2005. № 181. С. 11.

[5] *Клоков В.Ф., Корюхина А.В.* Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 75.

[6] Конституция Российской Федерации. СПб., 1998. С. 23.

[7] Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» (1991 г.) (в редакции федерального закона от 10.01.2003 № 8-ФЗ) // Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты. М., 2005. Кн. 3. С. 90.

[8] *Пучкова М.В.* Статья в дискуссии «Обычное право сегодня» // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 28.

[9] Закон Ханты-Мансийского а. о. – Югры от 19 ноября 2001 г. «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе»; Закон Ханты-Мансийского а. о. – Югры от 4 декабря 2001 г. «О традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе» // Статус коренных малочисленных народов. С. 677, 687.

[10] Статус коренных малочисленных народов. С. 694–695.

[11] Там же. С. 494–495.

[12] *Кряжков В.А.* Вступительная статья // Статус коренных малочисленных народов. С. 40–41.

[13] Полевые материалы автора (далее – ПМА). Сургутский р-н ХМАО.

[14] Из интервью, собранных во время выставки-ярмарки «Северная цивилизация. Регион Экспо» в апреле 2006 г. в Москве.

[15] *Крюков В.А. Токарев А.Н.* Учет интересов коренных малочисленных народов при принятии решений в сфере недропользования / Серия: Библиотека коренных народов Севера. М., 2005. Вып. 10. С. 170.

[16] *Харамзин Т.Г., Хайрулина Н.Г.* Традиционный уклад и образ жизни обских угров (по материалам социологических исследований). М., 2002. С. 106–107.

[17] Официальный сайт Ханты-Мансийского а. о. www.admhmao.ru

[18] Из интервью с В.С. Сафоновым – зам. исполн. директора Северного департамента РИТЭКа (Российская инновационная топливно-энергетическая компания).

[19] Из интервью с *О.А. Кошмановой* – в момент записи президента Кондинской региональной ассоциации «Спасение Югры».

[20] Рассчитано по: Население частных домохозяйств коренных малочисленных народов Севера в возрасте 15–64 лет по видам экономической деятельности по территориям преимущественного проживания КМНС // Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М. 2005. С. 397–445.

[21] Рассчитано по: Население частных домохозяйств коренных малочисленных народов Севера в возрасте 15–64 лет по занятиям по территориям преимущественного проживания КМНС // Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. М. 2005. С. 446–493.

[22] Сообщение *О.А. Кравченко*.

[23] *Лукина Н.В.* Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск. 2002. С. 84–86.

[24] *Ерныхова С.Д.* Научный фольклорный архив коренных малочисленных народов Севера // Встреча родов ханты. Сургут, 2004. С. 97–98. См. также: *Лукина Н.В.* Служебная записка «О проекте создания фольклорного архива в Ханты-Мансийском национальном округе» // Миссия «одинокого венгра»: Воспоминания друзей и коллег о Еве Шмидт. М., 2004. С. 61–66.

[25] www.etnic.ru

[26] Сообщение *О.А. Кравченко*.

[27] Официальный сайт администрации ХМАО www.admhmao.ru.

[28] ПМА. Кондинский р-н ХМАО.

[29] Рассчитано по: Население частных домохозяйств коренных малочисленных народов Севера в возрасте 15–64 лет по видам экономической деятельности по территориям преимущественного проживания КМНС // Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М. 2005. С. 397–445.

[30] Там же. С. 446–493.

[31] Ср.: *Радаев В.* Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. С. 35–60.

[32] ПМА. Поронайский р-н Сахалинской области.

[33] *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М.,1995. С. 39, 43, 45.

[34] *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 107.

[35] *Морс Б.* Права человека и коренные народы в контексте международного права // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 47, 52.

[36] Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: руководство по Конвенции МОТ № 169. Женева, 1996. С. 40.

[37] *Фэггеборг М.* Коренные народы и международное сотрудничество // Библиотека коренных народов Севера. М., 2005. Вып. 11. С. 20.

[38] Слово народов Севера. 2006. № 1. С. 8–9.